

САЯСАТ ТААНУУ ИЛИМДЕРИ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ.
POLITICAL SCIENCE

Арунов Р.А.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ЭНЕРГЕТИКАЛЫК САЯСАТ МОДЕЛИН ИШТЕП
 ЧЫГУУНУН ТЕОРЕТИКАЛЫК НЕГИЗДЕРИ**

Арунов Р.А.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
 ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

R.A. Arunov

**THE THEORETICAL BASIS FOR DEVELOPING MODELS OF THE ENERGY
 POLICY OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

УДК: 323.

Макалада мамлекеттин экономикалык ролунун эволюциясы жана анын коомдогу саясий жана экономикалык тармактарынын бирге кызматташуусуна арналган илимий эмгектери каралды. Энергетикалык саясаттын негизги моделдерин изилдөө, автордун ою боюнча, Кыргыз Республикасынын энергетикалык тармагын мамлекеттик башкаруунун ыңгайлуу моделин сунуш кылууга мүмкүнчүлүк берди.

Негизги сөздөр: энергетикалык саясат, мамлекеттик башкаруу, теоретикалык негиздер, моделдер.

В статье рассмотрены научные труды, посвященные эволюции экономической роли государства и его места во взаимодействии политической и экономической сфер общества. Исследование основных моделей энергетических политик позволило предложить оптимальную, по мнению автора, модель государственного управления энергетической сферой Кыргызской Республики.

Ключевые слова: энергетическая политика, государственное управление, теоретические основы, модели.

The article describes the scientific works devoted to the evolution of the economic role of the state and its place in the interaction of political and economic spheres of society. Investigation of the basic models of energy policies allowed to offer optimal, according to the author, the model of government energy sector of the Kyrgyz Republic.

Key words: energy policy, public administration, the theoretical framework of the model.

Рассмотрение теоретических оснований исследования энергетической политики должно быть основано на рассмотрении научных трудов, посвященных взаимодействию политики (государственного управления) и экономики. Полученные результаты позволят осуществить анализ современных моделей энергетических политик, в контексте выявления оптимальной степени участия государства в управлении энергетической сферой Кыргызской Республики.

Эволюцию экономической роли государства исследовал С.И. Козлов. По его мнению «роль государства в экономике» изменялась в зависимости от

конкретно-исторической ситуации. В XVII века основной задачей государства являлось стимулирование торговли, что обуславливало активную государственную экономическую политику (меркантилизм). В этот же период физиократы настаивали на необходимости расширения свобод хозяйственной деятельности. При этом они наделяли государство рядом функций. Эта идея получила дальнейшее развитие. На ее основе были разработаны теории, обосновывающие необходимость государственного вмешательства в экономику [6].

Однако уже в XVIII веке идеи меркантилизма и физиократии подверглись критике. Возник экономический либерализм А.Смита и Д.Рикардо. Они отрицали необходимость самого вмешательства государства в экономику и считали, что только «свободная игра рыночных сил (принцип, политика «laissez faire» - позвольте вещам идти свои чередом) создает гармоничное устройство». Активное же вмешательство государства в хозяйственную сферу общества не способствует экономическому успеху.

В начале XX века роль государства в экономике оставалась несущественной. Но экономический кризис в США (1929-1945), именуемый Великой депрессией, стимулировал поиск оптимальных механизмов взаимодействия государства и капитала. В качестве альтернативы либерализму были избраны идеи, изложенные в работах Дж.М. Кейнса [5] (1936). На вооружение была взята новая концепция, предполагающая необходимость вмешательства государства в экономику (кейнсианство). Модель Дж.М. Кейнса предлагала стимулировать совокупный спрос, в том числе посредством роста расходов государства на проведение общественных работ [6].

Кейнсианская модель мультипликатора раскрывала прямую зависимость между государственными расходами и национальным доходом. Именно эта модель была успешно использована в период президентства Рузвельта, а также в шведской модели госу-

дарственного регулирования (шведский социализм).

В 70-80-х годах в США возник очередной кризис, распространившийся на страны западной Европы. Потребность в поиске очередной альтернативы выдвинула на первый план идеи М.Фридмана, состоящие в возрождении свободного предпринимательства (монетаризм). Будущий Нобелевский лауреат отвергал необходимость активного вмешательства государства в экономику в пользу свободного рынка, но допускал его ограниченное вмешательство [6].

Кризис 2008 года, имеющий уже действительно глобальный характер привел к осознанию необходимости взаимодействия кейнсианской и монетаристских концепций. Использование странами G20 согласованного плана действий, предполагающего активное вмешательство государства (кейнсианство) в экономические процессы, функционирующие на основе неолиберальных, монетаристских принципах, позволил глобальной экономике справиться с пиком кризисных явлений уже в 2009 году.

Еще в 90-х годах в СССР академик Л.И. Абалкин предлагал сосредоточить функции государства на защите прав собственности; обеспечении свобод предпринимательства, стимулировании деловой активности и борьбы с монополистическими тенденциями; обеспечении законности в хозяйственной сфере; регулировании денежного обращения, обеспечении устойчивости национальной валюты; регулировании отношений между капиталом и наемными работниками; организации внешнеэкономической деятельности и т.д. [6].

И.А. Бродская так же анализирует закономерности формирования и эволюции теоретических подходов к роли государства в экономических процессах. Автором дан анализ эволюции теории от возникновения теории макроэкономического регулирования Дж. М. Кейнса до формирования современной парадигмы [2].

Автор так же, как и С. Козлов, приходит к выводу о том, что «возникновение концепций макроэкономического регулирования увязано со специфической социально-экономического и политического контекстов конкретно-исторических обстоятельств. При этом каждая новая концепция зависит не только от теоретических стереотипов, но и практических социально-экономических решений» [2].

В представлении И. Бродской эволюция концепции макроэкономического регулирования имеет нелинейно-монотипический характер развития, но склонен к «концептуальному полиморфизму». Неоклассическое понимание роли государства в социально-экономическом развитии сменяется неортодоксальными теориями, которые либо постепенно встраиваются, либо развиваются параллельно с «традиционным институционализмом», «неоинституциональными концепциями», некейнсианством и т.д. Кроме того, происходит возврат к ряду ранее неиспользованных идей (концепция экстерналий

(«побочных внешних эффектов») С. Пигу; идей институционализма 1980-1990-х годов [1, с. 659] и т.д.

Автор констатирует наличие повсеместного отказа современного государства от прямого управления экономикой. При этом считает спорной экономическую мотивацию, состоящую в поддержке бизнесом идеалов «социального блага». С одной стороны, частный капитал стремится использовать государство для получения политической ренты, с другой стороны, прямое взаимодействие с государством предполагает для бизнеса риск, поскольку для политической власти приоритетом являются политически и социальные мотивы, а не экономическая прибыль.

И. Бродская предполагает, что оптимальная форма взаимодействия экономики и политики лежит в компетенции институциональных теорий (неоинституциональная модель «принципал-агент»). При этом автор считает, что современная парадигма должна опираться на интеграцию некейнсианства и институциональных концепций. В практическом плане это лишь создание единой системы отчетности, аудита, сертификации и стандартизации, а так же нормативно-информационной инфраструктуры, упорядочивающей экономические связи и отношения. Государство должно контролировать деятельность финансовых институтов, осуществлять налоговое регулирование, поддерживать стабильность на финансовых рынках и решать иные задачи национальной экономической политики [2].

Автор приходит к обобщенному выводу о том, что «современная парадигма макроэкономического регулирования должна опираться на интеграцию фундаментальных принципов неоклассической теории общего равновесия с некейнсианством и институциональными концепциями» [2].

По мнению С. Козлова новая модель государственного регулирования, или неоклассический синтез должен выражать взаимодействие денежно-кредитной и фискальной политики, влияющей на уровень экономической активности. Экономическая политика современных государств должна ориентироваться на смешанные модели государственного регулирования. Поиск эффективных путей влияния на уровень экономической активности является условием преодоления экономических кризисов и обеспечения экономической стабильности и роста. Прямые командные методы управления должна быть заменены на институциональные (косвенные или административные). Обобщенный вывод С. Козлова состоит в том, что «оптимальная модель должна опираться на сочетание принципов либерализма и кейнсианства» [6].

Н. Миллер убедительно доказала, что «государство, являясь институтом политической власти, выступает регулятором экономических отношений как их главенствующий субъект. Предметом дискуссий является степень участия государства в экономике. Научная мысль прошла путь от полного отрицания участия государства в экономике к осознанию

таковой необходимости. При этом фактически роль государства в регулировании и развитии экономики (в том числе в сфере энергетики) усиливается. Формирование и реализация энергетической политики государства проходит в рамках единой национальной экономической политики, является её неотъемлемой частью. Кроме того, энергетика является социально-значимым сектором экономики. В силу этого управление энергетической сферой является одним из факторов национального политического процесса. Во внешней политике энергетика является инструментом реализации национальных интересов государства, используемым не представителями частного бизнеса, а высокопоставленными политическими лидерами и государственными чиновниками - Президентами и главами Правительств» [7].

Минаев О.С. считает, что с 2003 г. Россия проводит двойственную энергетическую политику, сочетающую консерватизм (государственное управление) и либерализм (элементы конкуренции). По мнению автора, проблема состоит в том, что «политическая элита стремится контролировать энергетический сектор посредством осуществления контроля над добычей, экспортом и распределением энергоресурсов, торможением развития бизнес-процессов и становления конкурентной среды. В сфере государственного контроля остаются лишь прибыльные структуры энергетического комплекса, демонстрируя отсутствие заинтересованности в долгосрочных вложениях» [8].

Энергетика играет ключевую роль в обеспечении экономического развития и любого государства. Поэтому анализ существующих на сегодняшний день моделей государственных энергетических политик, оценка их эффективности и степени социальной ориентации имеет практическое значение с точки зрения формирования модели национальной энергетической политики Кыргызстана. Анализ энергетических политик различных стран и регионов позволяет выделить несколько моделей.

К примеру, Я.Вутянова, проведя авторский анализ, выделил две модели энергетических политик. «Первая – традиционная или экспортно-ориентированная модель. Ее используют Россия, Норвегия, арабские монархии, США, Канада, Венесуэла, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и т.д. В этих государствах избыток природных ресурсов, а их использование приводит к диспропорциям торгового баланса за счет непропорционального повышения значения энергетического сектора экономики в ущерб иным отраслям. При этом государства, использующие традиционную модель, используют энергетические ресурсы в качестве инструмента внешней политики в отношении стран-импортеров» [4].

Вторая – альтернативная модель. Это «страны ЕС, Япония, КНР и т.д. Государства инвестируют средства в разработку технологий возобновляемых источников энергии, стремятся повысить энерге-

тическую эффективность экономики, снизить политическое и экономическое влияние стран-экспортеров энергоресурсов» [4].

Н.Е. Миллер дает иную классификацию, включающую уже три модели государственной энергетической политики.

Первая – национально-монополярная модель. По мнению автора, «данная модель характерна для стран, владеющих значительными энергоресурсами. Это такие государства как Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан, Венесуэла, Саудовская Аравия, Иран и т.д. Отличительной чертой данной модели является отношение к энергетической политике как к подконтрольному государству политическому сегменту. Вследствие этого энергетическая отрасль закрыта для негосударственных или иностранных хозяйствующих субъектов, а энергетика становится ресурсной базой развития экономики в целом. В данной модели проявляется стремление государства к монополярному управлению и владению энергетическими ресурсами. Кроме того, страны, использующие национально-монополярную модель энергетической политики, активно используют ресурсный фактор во внешнеполитической деятельности в качестве инструмента влияния на другие государства» [7].

Вторая – национально-конкурентная модель. Автор отмечает, что «формирование данной модели государственной энергетической политики берет начало с 1980-90-х годов. В этот период в США, западноевропейских странах и Новой Зеландии было осуществлено реформирование электро- и газовой отраслей энергетики. Следует отметить, что до реформирования энергетика в этих странах рассматривалась как деятельность, подконтрольная государству или государственным структурам. Однако победа либерализма означала снижение государственного участия в экономических процессах. Именно эта идея легла в основу политик правительств США и Великобритании. Речь идет о рейганомике и тетчеризме, посредством которых было осуществлено дерегулирование монополярных рынков, в том числе энергетического. В результате такого реформирования государство отказалось от ценового регулирования, пошло на приватизацию и разделение видов деятельности. Кроме того, крупным потребителям было предоставлено право выбора поставщика» [7].

На первоначальном этапе «такая политика давала позитивные результаты. Либерализация газовой отрасли и электроэнергетики привела к усилению конкуренции производителей, в результате которой сократились издержки производства и снизились цены и тарифы. Это, в свою очередь стимулировало развитие экономики в целом. Однако в последующем использование либеральной национально-конкурентной модели привело к появлению кризисных явлений в энергетике» [3] [10] [11].

Т. Митрова отмечает: «... история стран, использующих национально-конкурентную модель, не-

однократно доказывала тот факт, что позитивные результаты дерегулирования и либерализации в энергетике неизбежно приводят к кризисам. Энергетические рынки не смогли выработать эффективные механизмы инвестирования масштабных энергетических проектов. В результате появляется сильнейший дефицит энергоресурсов и увеличиваются цены» [9].

Пример этих стран показывает, что «внедрение национально-конкурентной модели государственной энергетической политики через либерализацию энергетических отраслей не способствует решению главной проблемы – привлечению в энергетические отрасли инвестиций в целях обеспечения энергетической безопасности посредством повышения эффективности и надёжности энергоснабжения потребителей. Снижение цен и повышение эффективности энергетики происходит на короткий отрезок времени. В последующем неизбежен рост цен и повышение прибыльности частных компаний» [9].

Осознав бесперспективность данной модели, страны ее использующие пошли по двум путям. США, Аргентина, Чили и др. отказались от конкурентного рынка и усилили государственный контроль в энергетической сфере. В этих странах формируется национально-монополярная модель. Страны ЕС приняли решение о формировании общего энергетического рынка посредством выработки единых стандартов и единой государственной политики управления энергетической сферой [7].

В итоге возникла третья модель энергетической политики - интеграционно-конкурентная. Она используется в Скандинавских странах - Норвегии, Дании, Финляндии, Швеции, а так же ряде иных стран ЕС. «Энергетическая политика этих стран основывается на общей политике развития конкуренции и интеграции рынка европейских стран. Для реализации единой энергетической стратегии и формирования единого энергетического рынка Европейского Союза были приняты решения о проведении реформ в энергетической сфере, предусматривающих либерализацию и развитие конкурентных отношений. В настоящее время ЕС стремится обеспечить прозрачность цен и создать общий энергоноситель, расширить трансевропейские электрические и газовые сети, а так же (пока безуспешно) пытается вынудить поставщиков (в том числе и Россию) подавать энергоресурсы по единым для всех стран ЕС ценам» [7].

Очевидно, что национально-конкурентная и интеграционно-конкурентная модели государственной энергетической политики достаточно однородны. Интеграционно-конкурентная модель является модернизированным вариантом национально-конкурентной модели. Для обеих моделей характерно развитие конкуренции. Основной упор делается на формировании либеральных рыночных условий (создание нормативно-правовой базы), а не на использовании инструментов государственного регулирова-

ния. Специфика интеграционно-конкурентной модели состоит в нивелировании роли национальных государственных политик в сфере энергетики. При этом национально-монополярная модель энергетической политики предполагает повышение значения государства в управлении энергетикой. Для нее характерно стремление государства управлять энергетической сферой.

Внедрение конкурентной модели в целях повышения эффективности управления энергетическими отраслями и привлечения инвестиций через разгосударствление, приватизацию, либерализацию цен и т.п. приводит к росту цен, кризису поставок, всерным отключениям и отсутствию достаточных инвестиций для строительства новых энергетических производств и мощностей. Частные компании, приобретающие энергетические мощности, нацелены на получение максимальной прибыли, которую предпочитают инвестировать в последующем в более рентабельный бизнес, поскольку энергетика отличается высокой капиталоемкостью и длительной окупаемостью. При этом заставить собственника вкладывать значительные инвестиции в виде капиталовложений на длительный срок окупаемости невозможно. Собственные интересы частного капитала достигаются единственным способом – посредством повышения тарифов и закрытия нерентабельных энергоустановок. Снижение надёжности системы национального энергообеспечения для частного капитала не является приоритетом.

Таким образом, применение национально-конкурентной или интеграционно-конкурентной моделей энергетической политики не отвечает национальным интересам Кыргызской Республики. При этом использование национально-монополярной модели, используемой странами-импортерами энергоресурсов, для Кыргызстана будет демонстрировать существенные ограничения. В связи с этим очевидна необходимость выработки новой оптимальной модели государственной энергетической политики, ориентированной на сочетание позитивных сторон конкуренции с необходимым государственным управлением энергетической сферой.

Считаем оптимальным формирование модели национальной энергетической политики, основанной на сочетании либеральных и кейнсианских принципов, включающей элементы всех перечисленных моделей. Для этого во внутренней энергетической политике необходимо использовать элементы национально-конкурентной и национально-монополярной моделей посредством разграничения сфер энергетики по видам деятельности: естественно-монополярная, разрешено-монополярная и конкурентная. При этом конкурентные механизмы должны находиться в сфере государственного контроля и управления, соответствующего социальным, экономическим и политическим целям Кыргызстана. Во внешней энергетической политике необходимо использовать элементы интеграционно-конкурент-

ной модели в части поддержки идеи формирования единого внутреннего энергетического рынка Евразийского экономического союза.

Литература:

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. - М.: Дело, 1994. - С. 659.
2. Бродская И.А. Роль государства в социально-экономическом развитии: эволюция концепций. Либеральный и либерально-реформистский подходы (1930-1990-е гг.): Дисс. ... канд. эконом. наук. - М., 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-gosudarstva-v-sotsialno-ekonomicheskom-razviti-eyulyutsiya-kontseptsii-liberalnyi-i-lib#ixzz3pGXISzfY> (дата обращения: 12.05.2015).
3. Вишневский Б. Пойдем калифорнийским путем? URL: http://russia-today.ru/2003/no_19/19_duma_2.htm (дата обращения: 3.04.2015);
4. Вутянова Я.В. Энергетическая политика как фактор геополитического влияния России: Дисс. ... канд. полит.наук. - М., 2013. URL: <http://www.dissercat.com/content/energeticheskaya-politika-kak-faktor-geopoliticheskogo-vliyaniya-rossii> (дата обращения: 27.04.2015).
5. Кейнс М. Общая теория занятости, процента и денег. - 1936.
6. Козлов С.И. Эволюция экономической роли государства в условиях системных преобразований экономики: Дисс. ... канд. эконом. наук. - М., 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-ekonomicheskoi-rol-i-gosudarstva-v-usloviyakh-sistemnykh-preobrazovani-ekonomiki#ixzz3pGYiNP81> (дата обращения 11. 04. 2015).
7. Миллер Н.Е. Государственная энергетическая политика в постсоветской России: этапы и особенности развития: Дисс. ... канд. полит. наук. - Уфа, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-energeticheskaya-politika-v-postsovetskoi-rossii-etapy-i-osobennosti-razviti#ixzz3oq2v7ttb> (дата обращения: 20. 04. 2015).
8. Минаев О.С. Политическая компонента энергетической безопасности России: дисс. ... канд. полит. наук. - М., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-komponenta-energeticheskoi-bezopasnosti-rossii#ixzz3opz1lccu> (дата обращения: 3.06.2015).
9. Митрова Т.А. Обратная сторона либерализации // Нефть и капитал. - 2004. - №2.
10. Реформа энергетики - всемирная афера // Литературная газета, 12 февраля, 2003.
11. Юров С., Анненкова А. Реформа электроэнергетики - бомба замедленного действия. 2008. URL: www.finam.ru (дата обращения: 22.04.2015).

Рецензент: д.полит.н., профессор Иванов С.